

№407 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Сила, которая в немощи совершается

Немало народу вспоминает о Боге, только когда жареный петух начинает заклёвывать – хорошо, хоть так. А среди серьёзных неприятностей – потеря здоровья. И тогда вопль – Господи, выручай!

Всё это естественно, и ничего плохого в этом нет. Во времена жизни Христа на Земле толпы больных приходили к Иисусу за исцелениями. Обращались и к апостолам, а затем – и к служителям Церкви. История христианства знает множество примеров чудесных исцелений, случавшихся по вере и молитвам Всевышнему.

Но ещё больше примеров, когда просьбы Господу оставались без ответа. Пастора некоторых «харизматических» церквей лгут, когда в своих проповедях заверяют, что стоит уверовать во Христа (с некоторыми дополнительными условиями – разумеется – водное Крещение, иногда ещё плюс так называемое «рождение свыше», а ещё, может быть, «получение дара языков» и прочее) – и ты гарантировано будешь исцелён от всех болезней, которые у Тебя есть, тем более, если об этом помолится церковь.

О.Иоанн: «Я много общался с протестантскими пасторами и не раз по этому поводу упрекал их – дескать, это же неправда! Неужели все члены ваших общин здоровы?! Ответ почти всегда был один – те, кто **ПОНАСТОЯЩЕМУ** уверовали – здоровы, а оставшиеся в болезнях, не имеют подлинной веры. Этот аргумент я всегда парировал словами Павла из 12-й главы его Второго послания Коринфским христианам...»

Ныне как раз этот самый отрывок и предписано церковным уставом прочитывать в храмах за Божественной литургией. В частности апостол пишет: «дабы я не превозносился..., дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня... Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи..." (2Кор.12,7-8). Павлова беда проявлялась во внезапных эпилептических припадках. Это его угнетало, как физически, так и морально. Представляете – апостол проповедует на собрании верующих, и вдруг – пена изо рта, его корёжит, выворачивает в неестественных позах, затем он падает наземь и бьётся в судорогах.

Вряд ли нужно объяснять, что этот недуг сильно мешал его проповеди. Любой слушатель мог ему предъявить: дескать, врач, **сам** исцелись! Ты проповедуешь Христа, кого угодно исцелявшего от всякой немощи, так пусть он вначале **тебя** исцелит! Не в пользу авторитетности Павла был и его внешний вид – низенький, лысенький, худосочный, с непропорциональной фигурой, и внешняя подача себя вполне неуклюжа.

Всё сие вполне в Евангельском духе – никакого внешнего авторитета, отсутствие любых форм психологического давления. Если и слушали Павла, и следовали пастырскому его руководству – отнюдь не потому, что их вёл по жизни оратор-красавец, мудрец и кумир, а потому, что всё, о чём он говорил – было словом Жизни Вечной! Пророчество Исаии о Христе: «Отрок сей трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Ис.42,3), вполне характеризует и Павла.

И, наоборот – в исторические периоды, когда Церковь становилась могучей, влиятельной, богатой – храмы сверкали золотом, а служители красовались облачениями, усыпанными бриллиантами, происходили метаморфозы дехристианизации, так сказать. Громко заявляя о Христе, верующие, похоже, забывали о самых главных основах Евангелия – о жертвенной любви, о том, что желающий быть первым, должен быть всем слугой, о подлинной свободе во Христе, и много чего важного.

ДО ХРИСТА ДОЧИТАТЬСЯ

Светское законодательство, как мы уже подчёркивали с Вами, построено именно на насилии. Более того, без насилия в мире сем обойтись никак не возможно – оно всё же сдерживает беспредел зла. Хотя вполне очевидно, что насилие – это действие, которое подавляет волю человека, и направлено на нанесение нарушителю ущерба. И так всегда. Именно поэтому человека нельзя насильно сделать добрым, не прикончив его при этом.

Ну, вот не хочет он быть добрым! И заставить его строем ходить, повторять 24 часа в сутки: «Надо быть добрым» – бесполезно – он только осатанеет от этого. В рамках, да, надо держать. Но рамки – это тоже, в конечном итоге, фактор только сдерживающий, чтобы не совершилось **больше** насилия. Поэтому, когда кто-то там на кого-то лезет с кулаками, то и останавливать тоже приходится кулаками, а не увещеваниями и не соборной молитвой вокруг дерущихся.

Что же до высоты христианского призвания – это очень сложно. Потому что надо не на любовь отвечать любовью, а на всё отвечать любовью, а это значительно труднее.

Вообще-то, когда мы говорим с вами о нашей морали, которую мы как-то пытаемся соблюдать в жизни, то стоит учесть, что все эти нормы на самом деле дохристианские, ветхозаветные. Нам даже и ветхозаветные добродетели удаются с большим трудом. Ну вот, к примеру, благочестивое отношение друг к другу супругов и благочестивое отношение к браку отнюдь не исчерпывается только супружеской верностью, а и воспитанием очень тонкого чувства святости брака, например. Потому что это сокровище – когда два человека встретились, и им открывается жизнь совместная. Но это же только Ветхий Завет. Здесь слово «только» не означает, будто Ветхий Завет – это что-то та-

кое, легкодостижимое. Многие действительно глубокие радости брачного сосуществования открыты уже и в Ветхом Завете тоже. Но в христианстве есть ещё что-то «сверх». Но чтобы дойти до того, что «сверх», надо сперва хотя бы почувствовать сладость и глубину Ветхого Завета. Есть замечательное выражение в ветхозаветной гимнографии, когда Закон объявляется предметом любви, сладостью на устах, превышающей «сладость мёда и капель сота» (Пс. 18, 11).

И так во многом. То, что касается взаимоотношений между родителями и детьми, что касается благочестивого социального бытия, государственного устройства и так далее - это то, что мы будем разбирать как принципы поведения человека во всех измерениях. Так вот, многое из этого открыто уже на **подступах** к Новому Завету. И нам нужно будет об этом в первую очередь говорить, а уж затем представлять себе полноту во Христе. Потому что полнота во Христе оборачивается такими фантастическими для нас, на первый взгляд, вещами, такой внешне нереальной картиной, что, кажется, это вообще не про нас.

И это вовсе не пустые слова. Христианство – это слишком серьёзно и слишком глубоко, чтобы казаться легко осуществимым. Довольно серьёзный багаж надо набрать, чтобы добраться до этих христианских высот. Всегда и всем было весьма трудно реализовать христианство в жизни. Оттого люди и в пустыню уходили - потому что эта вот махина, хотя и называется христианским государством, а душит хуже, чем языческая власть. И оттого Церковь историческая, бывает, хиреет годами, прозябает десятилетиями и столетиями - люди привыкают потакать собственным слабостям. Ну да, конечно, христианство – это красиво написано. А в реальности? На самом деле совсем **иначе** – вот, например, епископ, ежели он в алтаре посохом не дерётся, когда кто-то неправильно возглас подал - так оно и хорошо, добрый, значит.

Так что не надо идеализировать церковную жизнь, моральный облик духовенства, потому что это дороже обходится. За очарованием следует разочарование. Новенький человек придёт в Церковь с настроением, что там сплошные ангелы во плоти, а тут архиерей жезлом по спине священника огрел. Караул, всё, Бога нет! Почему? Ну раз такое духовенство! И вообще, зачем в такую церковь ходить, где два попа в бороды друг другу вцепились?

Иоанн. «Конечно, не всем полезно такие анекдоты рассказывать, но лучше, когда исходит это от самих священнослужителей. Это как мой знакомый прибежал пред светлые очи духовного наставника, и говорит, задыхаясь: «Вот, мне тут один приятель, который очень давно в Церкви, рассказывал, что преосвященный владыка некоего престарелого настоятеля шарахнул жезлом по спине у алтаря во время литургии, за то, что тот неправильно возглас подал!». На что наставник, не моргнув глазом, со знанием вопроса, говорит: «Ну, жезлом – это больно, конечно. Но вот ежели на престольным крестом по морде, так это куда больнее». Только, конечно, не подумайте, что это практика такая, утвердившаяся.

На самом деле легко съехать в жизни на очевидные, всем понятные, очень доходчивые принципы существования, которые каким-то боком навеяны не самыми возвышенными местами Ветхого Завета, какой-то стороной – логикой житейской, еще каким-то краем – открытым несовершенством человека. А всё вместе получается – дикий эрзац. Но эту подмену мы как бы и призваны изживать. А для этого надо отдавать себе отчет в тех действительных высотах, к которым мы призваны. И эти, при всей своей видимой дикости явления, о кото-

рых мы упоминаем, - они легко объяснимы, увь, просто тем, что уже традиция сложилась, сотни лет действующая. Епископ – это кто, в первую очередь? Это большей начальник, распорядитель на данном участке существования Церкви на земле, в данной епархии. И слово этого начальника – закон. У него большие полномочия.

А вы попробуйте быть человеком с большими полномочиями, от которого многое зависит, который много чем распоряжается, и при этом сохранить смирение Иоанна Златоуста! Ну, вот святитель Иоанн хранил дух христианский, будучи архиепископом Константинопольским, при императорском дворе, императрицу Евдокию обличал... Помните, чем это закончилось? Он умер в ссылке, со словами: «Слава Богу за всё!». Между прочим, гоним он был не только светской властью, но и церковной. Его предали анафеме епископы соперничающей кафедры, Александрийской. Про него ещё другой канонизированный архиепископ - Александрийский Кирилл - сказал примечательные слова: «Ежели Иоанн во святых, то, значит, Иуда во апостолах». Представляете: один святой отец – Иоанн Златоуст, а другой, тоже имеющий формальный статус святого отца Кирилл Александрийский, говорит про него, про Златоуста: «Ежели Иоанн во святых, то, значит, Иуда во апостолах!»! Вот такая известная фраза из истории Церкви. И мы с этим багажом живём.

Так что надо себе представлять, насколько всё непросто, помнить, что мы не в безвоздушном пространстве живем, и зачастую трудно понять, что же есть настоящая христианская этика. Ну, нередко и завалы нужно разгрести, чтобы добраться до подлинных основ христианства, до подлинного его содержания. У Лескова в рассказе «Однодум» описывается человек, который открыл Евангелие и обнаружил, что **есть** христианство на самом деле, несколько оторопел от того, что ни поп этому не учит, ни владыки, никто. В этом рассказе описывается, как пошла молва, что некий однодум, который ещё был и чиновником, чего-то странно стал себя вести: прощать там, и прочее... Похристиански, одним словом. А в России начала 19-го века это выглядело едва ли не вызывающе: мол, чего это он, то ли с ума сошёл, то ли крамола какая. Екклесия вокруг по этому поводу очень забеспокоилась, и в числе первых забеспокоившихся был местный поп. А успокоились они вот на чём. Дошло до судей - владыки, что однодум этот, то есть человек, которого так прозвали, - а он ещё дневник там вёл, - что он «до Христа дочитался». То есть он прочитал Ветхий Завет и приступил к Новому. Ну, а поскольку в народе тех, кто до Христа дочитался, **известно** как воспринимают, что они малость «того», и поэтому всерьёз их воспринимать не надо, - тут всё и успокоились. Потому что никакой крамолы нет, ничему это не противоречит, всё очень даже хорошо, что такой честный человек при деле; ну, а то, что он со странностями – ну и пусть себе.

И в наше с Вами время какая-то устойчивая верность Богу - а это добродетель ещё Авраамова, а не Христова - уже вызывает оторопь у населения. Потому что, если это верность, то это означает устойчивое поведение, которое нередко воспринимается как невесть что. Как фанатизм, например. Хотя какой там фанатик – просто нормальный. Какое там – до Христа дочитался. Просто человек хороший, честный, живёт благочестиво.

Так что нам предстоит очень непростая тема для очередных размышлений разговора – тема собственно христианской нравственности и что это такое. Но прежде нам хотя бы до Ветхого Завета докарабаться.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным